

М.А. Павликова. (Институт языкознания РАН)

M.A. Pavlikova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

О диахронической сопряженности категорий временной отнесенности
и вида в английском языке

On the Diachronic Conjugation of Taxis and Aspect in English

Аннотация

В статье рассматривается начальный этап формирования категории вида английского глагола, представленной сегодня формами разряда *Progressive*, как системное продолжение уже сложившейся к тому времени категории временной отнесенности, представленной сегодня формами разряда *Perfect*. Анализ соответствующих ранненовоанглийских конструкций ведётся на материале двух крупнейших памятников английского языка второй половины XV в. и первой половины XVI в. — романа Томаса Мэлори «Смерть Артура» (1485 г.) и трактата Томаса Элиота «Правитель» (1531 г.).

Анализ показывает, что развитие будущих аналитических глагольных форм *Perfect* и *Progressive* проходит в сопряжении: по мере повышения уровня парадигматизации перфекта увеличивается степень идиоматизации синтаксической конструкции *be + Ving* — прообраза будущего английского прогрессива.

The article deals with the initial stage of the formation of the category of Aspect of the English verb (today manifested by *Progressive* forms) as a system extension of the category of Taxis (today manifested by *Perfect* forms) that had formed earlier. Examination of the respective Early Modern English constructions is made by virtue of two major English literary works of the late XV century and early XVI century, namely Thomas Malory's *Morte Darthur* and *The Governour* by Thomas Elyot.

The analysis of the texts in question shows that the development of would-be analytical forms of *Perfect* and *Progressive* proceeds in conjugation; as the level of the *Perfect* tense's

paradigmatisation rose, so did the degree of the *be + Ving*'s idiomatisation, this syntactic construction being a predecessor of the English Progressive of today.

Ключевые слова

видовременная система, категория временной отнесённости, категория вида, межкатегориальные связи, синтаксические конструкции, аналитические формы, уровень парадигматизации, степень идиоматизации, бинарная основа, инвариант грамматического значения, синхронный срез, диахроническая сопряжённость

tense and aspect system, category of taxis, category of aspect, intercategoryal relations, syntactic constructions, analytical forms, degree of idiomatization, level of paradigmaticizing, binary principle, invariant grammatical meaning, synchronic study, diachronic correspondence

История видовременной системы английского глагола может считаться хорошо изученной: отдельные этапы её становления не раз являлись предметом специальных исследований, где основные усилия направлялись либо на изучение отдельных категорий глагола (т.е. всех входящих в данную категорию форм), либо были направлены на анализ какой-либо одной категориальной формы. Это означает, что в поле зрения исследователей попадали в первую очередь связи и отношения, существующие внутри категорий, а межкатегориальные связи, существование которых, очевидно, вытекает из самой постановки вопроса о видовременной системе, оставались невыявленными. Как следствие, стало актуальным изучение межкатегориальных отношений, их формирования и сущности в рамках видовременной системы глагола на настоящем этапе развития научных представлений. На необходимость постановки подобной задачи обратил внимание в свое время В.Я. Плоткин, писавший: «Для выработки современного представления о процессе становления аналитической морфологии английского глагола оказалось необходимым перейти от рассмотрения отдельных частей этого процесса к рассмотрению всего процесса в целом. <...> Можно ожидать столь же интересных результатов от целостного рассмотрения становления плана содержания видовременной

системы как единой семантической структуры, если при этом будут подвергнуты анализу первоэлементы данной структуры» [1, 88; 4, 76—77].

Такая постановка вопроса была следствием выдвинутого автором ранее положения о том, что система современного английского глагола построена на бинарной основе, и, следовательно, между любыми двумя глагольными категориями, составляющими видовременную систему (в том числе и между категориями временной отнесенности и вида), в синхронии существует связь [2, 69—75].

Развертывание видовременной системы, по В.Я. Плоткину, также происходит по бинарному принципу. Это означает, что появление в английском языке категории вида возможно только при условии наличия в нем уже сложившейся ранее категории временной отнесенности.

На наш взгляд, такое понимание системности в диахронической морфологии нуждается в углублении, ибо оно слишком прямолинейно определяет причинную связь между развитием отдельных явлений языка. Будучи построенным на основе логического рассуждения, оно представляет процессы, между которыми постулируется причинно-следственная связь, как замкнутые звенья в цепи системных преобразований, т.е. как хронологически последовательные изменения (второй процесс начинается только после завершения первого). Однако факты истории свидетельствуют, что парадигматизация каждой новой видовременной формы протекала в течение целой эпохи; в нашем случае становление формы перфекта, с которым связывается развитие новой видовременной формы *be + Ving*, ещё отнюдь не завершается к началу этого развития. При этом непрерывное взаимодействие, происходящее в условиях наложения одного процесса на другой, осуществляется не между отдельно взятыми явлениями (изолированными конструкциями и формами), а между целыми участками видовременной системы, не в равной степени вошедшими в глагольную парадигму.

Такое понимание системности в истории английской видовременной системы позволяет перейти от общей, историко-типологической, постановки вопроса о системных связях между отдельными аналитическими формами внутри «большой» видовременной

системы к постановке новой, более конкретной задачи. Мы планируем показать на конкретном историческом материале взаимодействие категорий временной отнесённости и вида в диахронии. Необходимо подчеркнуть, что на всём протяжении совместного существования этих категорий в языке сохраняется постоянная «дистанция» между уровнями их системного развития. Это проявляется в том, что на любом синхронном срезе морфологический участок английского языка, связанный с перфектом, всегда более развит по сравнению с тем морфологическим участком, который связан с видом, причем различие в уровне развития остается постоянным.

Развитие формы длительного вида — последнее радикальное преобразование в системе английского глагола. Парадигматизация этой формы, как это хорошо известно, была наиболее интенсивной уже в новоанглийский период. Однако ещё во второй половине XV в. в английском языке начались важные процессы преобразования процессуальных конструкций различной структуры — источников современной формы длительного вида. Поэтому для изучения самого раннего этапа формирования категории вида нам представляется целесообразным обратиться именно к эпохе конца среднеанглийского — начала новоанглийского периодов.

В рамках этой эпохи мы выделяем для исследования два хронологических среза, представленные материалом романа Т. Мэлори «Смерть Артура» (1485 г.) и трактата Т. Элиота «Правитель» (1531 г.).

Развитие перфекта начинается на много веков раньше, ещё в древнеанглийском. К началу новоанглийского периода мы, вне всякого сомнения, имеем дело с уже сложившейся грамматической идиомой. Но, как уже было сказано, парадигматизация перфекта отнюдь не заканчивается с возникновением идиоматической конструкции: категория временной отнесенности обретает устойчивые контуры лишь очень постепенно. Механизм этого процесса мы будем стремиться выявить в настоящей статье.

Нижеследующее изложение начинается именно с исследования перфекта как «ведущей» формы в процессе перестройки видовременной системы.

Перфект в английском языке второй половины XV в. («Смерть Артура»)

Уровень парадигматизации перфекта в языке романа «Смерть Артура» еще значительно ниже современного. Из структурных признаков неполной парадигматизации укажем не только на большое количество глаголов, способных образовывать форму перфекта со вспомогательным глаголом *be*¹ (от 25 глаголов, в основном мутативных), но и на отсутствие размежевания значений таких перфектных форм, в которых *Vn* образовано от лексически тождественных глаголов, а вспомогательные глаголы различны. Удельный вес таких «парных» сочетаний в рамках данного текста высок (36%). Ср.:

... *mesemyth hit were beste, now that ye **ar ascaped** frome spyynge, that ye sende my lady <...> hir rynge ...* («мне кажется, было бы лучше всего теперь, когда вы избежали слежки, чтобы вы послали моей госпоже... её кольцо») [M. Dart, 352].

... *for that we **have ascaped** on lyve we may thonke God ever* («потому что за то, что мы ускользнули живыми, мы можем благодарить бога вечно») [M. Dart, 192].

Само по себе наличие в английском языке XV в. аналитических перфектных конструкций *have/be* + *Vn* не предполагает полной включенности формы перфекта в парадигму. Конкретно, в семантическом плане это может проявляться в возможности чрезвычайно широкого её употребления. С одной стороны, аналитические конструкции (как с презентной, так и с претеритальной формами вспомогательного глагола *have*) стоят в одном ряду с синтетическими глагольными формами в контекстах, позднее закрепленных за перфектом. Ср. следующие примеры из романа «Смерть Артура», объединенные наличием временного индикатора *never*:

*Thou **hast never done**. Of three score thousande thys day hast thou leffte on lyve but fyftene thousand!* («Ты никогда не делал [так]. Из шестидесяти тысяч сегодня ты оставил в живых пятнадцать тысяч!») [M. Dart, 36].

*And sythyn I **had offended** never as to her owne persone, and as for the offence that I have done, hyt ys ayenste youre owne persons...* («И с тех пор я никогда не наносил обиды

---

¹ В дальнейшем форму перфекта схематически можно обозначать *have/be* + *Vn*.

ей самой, а что касается обиды, которую я нанес, то она касается вас самого...») [M. Dart, 844].

Ср.: *And I have done so much this day that well I wote I **ded** never so much* («И я сегодня совершил так много, что я хорошо знаю, что так много я не делал никогда»).

С другой стороны, хаотичность в употреблении идиоматических конструкций проявляется в том, что они с большой легкостью реализуют абсолютно-временное (собственно «темпоральное») значение, выступая здесь наряду с претеритом. Здесь снова совместно встречаются конструкции с презентной и претеритальной формами *have*, как мы видим, не всегда дифференцированные. Темпоральное значение у данной формы, по материалу романа Т. Мэлори, проявляется в следующих условиях.

Претеритальный нарративный контекст: *And so **toke** us severally, as we rode on our adventures, and many good knyghtes **hath deyde** in this preson for hunger* («И вот так жестоко он захватил нас, когда мы ехали на поиски приключений, и многие добрые рыцари умерли в тюрьме от голода») [M. Dart, 189].

Непретеритальный нарративный контекст, в котором обязательно наличие лексического индикатора абсолютного временного характера: *I may not yet be crystyned for a vowe that **I have made** many yerys agone* («Я ещё не могу быть окрещенным из-за клятвы, которую я дал много лет назад») [M. Dart, 842].

Значение опосредованной временной отнесенности, таким образом, предстает в эту эпоху лишь как частный, хотя и наиболее распространенный случай; оно наиболее ясно реализуется в следующих условиях (эти условия контрастируют с только что описанными):

Отнесенность к СМ настоящего и к СМ будущего (в сфере настоящего)² возникает в непретеритальном контексте, в котором имеются лексические индикаторы, позволяющие соотнести процесс, выраженный формой *have/be + Vn*, с ситуацией: *And by thys tyme they **have gotten** to them four kynges mo and a myghty duke* («И к этому времени они заполучили ещё четырёх королей и могущественного герцога») [M. Dart, 20]; *And*

---

² СМ — ситуативный момент.

never shall I returns unto the courte agayne tyll I have sene hit more opynly than hit hath bene shewed here («И я никогда не вернусь ко двору снова до тех пор, пока я не увижу это более открыто, чем это было показано здесь») [M. Dart, 866]; *...thou haste seyde thy message, the whych ys the moste orguluc and lewdiste message that evir man had isente unto a kynge* («ты изложил своё послание, которое является самым наглым и непристойным, которое когда-либо посылали королю»)[(M. Dart, 55].

Отнесенность к СМ прошедшего и к СМ будущего (в сфере прошедшего) возникает в претеритальном контексте, в котором имеются лексические индикаторы, позволяющие соотносить процесс с ситуацией: *So by that tyme the kynge and the quene was gone to the mynster to here their servyse* («И к этому времени король с королевой уехали в монастырскую церковь послушать службу») [M. Dart, 855]. *So hit befelle that the Emperour Lucius <...> sente unto Arthure messy commaundyng hym to pay trewage that his suncettryes have payde before hym* («Случилось так, что император Луций <...> послал к Артуру посланников, приказывая ему заплатить дань, которую платили его предки прежде него») [M. Dart, 185]. *Than sir Trystrames rode more than a pace untyll that he had overtake hym* («Тогда сэра Тристрама проехал немало, прежде чем он захватил его») [M. Dart, 400].

Приведенные примеры указывают на то, что хотя перфект в английском языке второй половины XV в и представляет собой грамматическую идиому, однако как категориальная форма с устойчивым значением временной отнесенности в тот период он ещё не существует, поскольку грамматическая семантика формы находится в зависимости от контекста, от тех условий, в которые ставится форма *have/be + Vn*, и поскольку отсутствует корреляция перфект/неперфект. Картина функционирования перфекта у Т. Мэлори свидетельствует скорее об отсутствии инварианта его грамматического значения: темпоральный оттенок в значении перфектных форм наблюдается в этом памятнике примерно в 25% всех случаев употребления перфекта, а

относительный оттенок проявляется в значении приблизительно 33% примеров от их общего числа. В значении оставшейся части примеров ощущается результативность, но поскольку в решении вопроса о морфологическом статусе формы перфекта в рассматриваемую эпоху эти примеры существенной роли не играют, то к анализу здесь они не привлекаются.

С неполной парадигматизацией перфекта в романе Т. Мэлори, видимо, связано и то, что здесь часто встречаются перфектные конструкции, отвечающие варианту структурной схемы *be+ Vn*, которые только на основании функциональных критериев могут быть отделены от омонимичных им конструкций с предикативным причастием II. Ср.: а) “*Ye ar wel com*”, *seyde the kynge*, “*for ye have bene longe a grete foo of owres to me and to my courte, and now..., I shall so entrete you that ye shall be my frende*” («Вы пришли в самое время, — сказал король, — ибо вы долго были великим недругом мне и моему двору, а теперь я вас так умилю, что вы будете моим другом») [M. Dart, 337]), где *ar com*, видимо, является перфектной конструкцией, выражающей результат действия, и б) *This fayre lady ys passyngly wellcome to me...* («Эта прекрасная дама мне чрезвычайно желанна,..») [M. Dart, 98], где *ys wellcome* — предикативное словосочетание, выражающее признак предмета (см, предикативный расширитель *passyngly*).

Во втором примере уже ясно видна направленность сочетания *be(en) wellcom* на функциональное застывание и изоляцию (грамматический архаизм), что в современном английском языке привело к полной утере словосочетанием *to be welcome* всяких связей с глагольной парадигмой и к переходу выражения *you are welcome* в разряд лексических архаизмов (оно используется только как формула вежливости со значением ‘ответ на выражение благодарности; разрешение что-л. сделать’).

Таково в целом системное положение формы *have/be +Vn* во второй половине XV в., если судить по ее функционированию в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».

Обратимся теперь к рассмотрению состояния развития английского перфекта на втором из выбранных для анализа хронологических срезов.

Перфект в английском языке первой половины XVI в. («Правитель»)

Материал трактата Т. Элиота показывает, что на новом синхронном срезе несмотря на его хронологическую близость к предыдущему в развитии перфекта произошел значительный сдвиг. Уровень парадигматизации этой формы повысился.

Структурно это прежде всего проявляется в том, что около 30% тех перфектных конструкций, которые употреблялись в романе «Смерть Артура» исключительно со вспомогательным глаголом *be*, в «Правителе» могут употребляться и со вспомогательным глаголом *have*. Ср.: <...> *where the water hath uneth come to his bely* («...», где вода едва дошла ему до живота») [Govern, 75] vs. *Madam, I am com to my dethe for to hele you* («Мадам, я дошел до смерти, чтобы исцелить вас») [M. Dart, 1003]; *Thou haste well escaped* («Ты ловко ускользнул») [Govern, 260]. vs. <...> *now that ye ar ascaped frome spuunge* («теперь, когда вы ускользнули от слежки») [M. Dart, 352].

В семантическом плане повышение уровня парадигматизации перфекта выражается в следующем:

1. Падает удельный вес примеров *have/be + Vn* с темпоральным значением (они составляют теперь только около 17% от общего числа примеров перфекта в тексте). Это происходит вследствие большей упорядоченности в употреблении форм перфектных и форм синтетических, вытекающей из намечающейся тенденции к размежеванию контекстов³ их употребления: перфектные формы в рамках данного памятника чаще оказываются в контекстах, где имеются лексические индикаторы относительного временного значения, а синтетические формы начинают закрепляться за контекстами, в которых встречаются лексические индикаторы абсолютного временного значения⁴. как в следующих примерах: *Mercie is and hath ben euer of such estimation with mankind* («Милосердие есть и всегда было так уважаемо у человечества») [Govern, 141] vs. *Nowe wyll I somewhat declare of the chlefe causes why, in our tyme, noble men be nat excellent in*

³ Упорядочивание контекстов употребления перфекта в первой половине XVI в. связано с развернувшимися в тот период в английском языке процессами нормализации [5, 92—130]. Таким образом, структурно-морфологические процессы сливаются с процессами нормализационными.

⁴ Ср. контексты, приведенные выше, где форма *have + Vn* свободно сочетается ещё с индикатором абсолютного временного значения, а форма синтетическая сопровождается наречием *never* относительного временного характера.

lernynge as they were in olde tyme amonge the Romanes and grekes («Теперь я хочу как-то высказаться относительно тех основных причин, по которым в наше время благородные люди не так отличны в учении, как были они в старое время среди римлян и греков») [Govern, 49].

2. Появляется большое количество примеров инклюзивного перфекта ⁵, что в целом препятствует функционированию перфекта как темпорального и, наоборот, способствует реализации у английского перфекта значения относительного: *Noble fathers, I am suche a persone whom ye knowe haue ben a commune baratour and thefe by a longe space of yeres* («Благородные отцы, я тот человек, о котором вы знали, что он был всеобщим бедствием и воров в течение долгих лет») [Govern, 182]; *<...> and he coniuired him that for the feruent and entier loue that had bene, and yet was, betwene them, he wolde no lenger hyde from him his griefe* («и он заклинал его ради пылкой и совершенной любви, что была между ними и всё ещё продолжалась, чтобы он не прятал больше от него своё горе») [Govern, 169].

Конкретный анализ функционирования перфекта в трактате Т. Элиота «Правитель» позволяет прийти к общему выводу о том, что в первой половине XVI в. уже сделан важный шаг в выработке инвариантного признака формы. Вытеснение темпорального употребления перфекта указывает на окончательное определение «английского» пути развития (в отличие от «немецкого» пути, который ведёт к дальнейшей темпорализации перфекта) [3, 99—103]; возникшее противопоставление перфекта синтетическим нормам конституирует особую категорию, исключая интеграцию перфекта в категорию времени.

Перед тем как обратиться к рассмотрению функционирования конструкции *be + Ving* в «Смерти Артура» и «Правителе», сделаем некоторые предварительные замечания.

---

⁵ Примеры инклюзивного перфекта изредка встречаются и у Т. Мэлори, но там они могут замещаться синтетическими формами. Ср.: *<...> the grete love that I have had unto you all the dayes of my lyff makith me to sey such dolefull wordis!* («великая любовь, которую я имел к вам во все дни моей жизни, заставляет меня сказать такие прискорбные слова!») [M. Dart, 867] vs. *<...> now have I slayne that I moost loved in al my lyf!* («сейчас я убил ту, которую я больше всего любил всю свою жизнь») [M. Dart, 868]. Такого рода замещения у Т. Элиота никогда не происходит.

К концу XV в. синтаксические источники формы длительного вида уже «отработали» и вызвали к жизни целый набор грамматикализованных процессуальных конструкций⁶, которые могут представлять в отдельных случаях как несомненные грамматические идиомы со значением актуальной дуративности. Однако пестрота и чрезвычайное разнообразие конструкций с *Ving* не только свидетельствуют об отсутствии какой-либо стандартной формы, но оставляют возможность для сохранения в этом «конгломерате слабо отграниченных друг от друга конструкций» [1, 91—92] исходных синтаксических словосочетаний.

***Be + Ving* в английском языке второй половины XV в.**

(«Смерть Артура»)

По данным романа «Смерть Артура», лексическая семантика глаголов, от которых образовано *Ving*, пока ещё явно ограничивается глаголами движения и состояния⁷: эти глаголы у Т. Мэлори составляют около 67%, преобладая, таким образом, над другими лексико-тематическими группами глаголов.

Что касается контекстуального окружения *be + Ving*, то в данном памятнике встречаются:

а) примеры с лексическими индикаторами одновременности процесса ситуативному моменту (30%): *So the meane **whyle that** thys knyght **was** **makynge** hym redy to departe, there com into the courte the Lady of the Laake* («И в то время как этот рыцарь готовился к отъезду, ко двору приехала Владычица Озера» [M. Dart, 65];

б) примеры с индикаторами неограниченной длительности процесса ***Euer he was lyeng** grovelynge on the tombe of kynge Arthur and quene Guenever* («Он постоянно лежал ниц на гробнице короля Артура и королевы Гиневры») [M. Dart, 1257];

---

⁶ Под грамматикализованной процессуальной конструкцией мы понимаем такую конструкцию, которая представляет процесс как действие (в отличие от неграмматикализованной процессуальной конструкции, представляющей процесс как признак).

⁷ Как отмечают исследователи, ограничение лексического наполнения словосочетаний *be + Ving* глаголами движения или состояния типично для среднеанглийского периода, т.е. для эпохи, предшествовавшей созданию **идиоматической** конструкции *be + Ving* (см., например, [6]).

в) примеры без какого бы то ни было контекстуального указателя на отношение процесса к ситуативному моменту (41%): *So by fortune kynge Arthure and quene Gwentyver were talkynge togidirs at a wyndow and so as they loked into the Temmys they aspyed ...* («И вот, к счастью, король Артур и королева Гиневра разговаривали друг с другом у окна, и, когда они взглянули на Темзу, они заметили ...» [M. Dart, 1095]).

Поскольку удельный вес контекстуально-нейтральных примеров *be + Ving* в романе «Смерть Артура» довольно высок, не всегда оказывается легко отделить архаичные конструкции *be + Ving* с предикативным причастием I, которые возрождаются в английском языке XV в., от потенциально (но отнюдь не обязательно) омонимичных им образований, в которых можно усматривать грамматикализацию. Ср.: *And yf I lyve I shall do you servyse afore all the knyghtes that bene lyvynge* («И если я буду жить, я стану служить вам, прежде всех рыцарей, которые живут») [M. Dart, 697] vs. *Nowe wyte you well that ve ar named the shamefullyst knyght of your tunge that now ys lyvynge* («Теперь вы хорошо знаете, что вас называют самым оскандалившимся рыцарем из-за вашего языка, который только живет сейчас») [M. Dart, 488].

В первом случае сомнения в том, что *lyvynge* — это предикативное причастие I, не возникает, поскольку данное сочетание многократно фигурирует как в романе Т. Мэлори, так и в других памятниках того периода, например, в средневековых английских драмах (так называемых «мистериях») в идентичных контекстах на правах устойчивого словосочетания со значением ‘to be alive’.

Во втором случае, однако, имеется повод для сомнения относительно грамматического статуса сочетания *ys lyvynge*, поскольку в контексте его употребления есть лексический индикатор одновременности процесса ситуативному моменту — *now*, позволяющий усматривать у данной конструкции значение актуальной дуративности, тем более что в том же памятнике в подавляющем большинстве примеров конструкции *be +*

Ving, сопровождающихся лексическим индикатором актуальной дуративности, *Ving* образуется от неопределённых глаголов, к каковым относится и глагол *to live*⁸.

Таким образом, исходя из материала данного памятника, нельзя говорить о чётком размежевании функционирования *be + Ving* либо в качестве синтаксических конструкций, либо как форм глагола. Это утверждение поддерживается и тем фактом, что в рамках данного памятника встречаются примеры, в которых схемообразующие элементы *be* и *Ving* располагаются дистантно. Это обстоятельство, в свою очередь, указывает на то, что перед нами конструкции, не обособившиеся от свободных сочетаний глагола бытия с предикативным причастием I не только лексико- и грамматико-семантически, но и структурно: *Than as sir Palomydes was at the welle waylynge and wepyng, there cam fleynge the kynge of Walys and of Scotlande* («Тогда, пока сэр Палимид рыдал и плакал у родника, примчался король Уэльса и Шотландии») [M. Dart, 762].

В целом картина охвата явлений, связанных с созданием в языке идиоматической конструкции *be + Ving*, в романе «Смерть Артура» пестра и разнообразна. Это выражается не только в наличии семантически самых разнообразных процессуальных конструкций, объединяемых структурными схемами *be + Ving* и *be + <...> + Ving*, но и в том, что в этом же тексте представлены также и процессуальные конструкции с глаголом бытия и предложным герундием: *And more than an owre and an halff quene Gwennyver was a-waytyng in a bay-wyndow* («И более полутора часов королева Гиневра ждала в нише у окна») [M. Dart, 1127].

Такова картина функционирования процессуальных конструкций *be + Ving* (на фоне процессуальных конструкций иной структуры) в романе «Смерть Артура».

Основываясь на материале данного памятника, едва ли можно говорить о появлении в языке идиоматической дуративной конструкции, поскольку в романе Т Мэлори:

---

⁸ Ср. с современным английским языком: *When Donald was living alone in New York he had been overtaken suddenly with depression*. Здесь отсутствует какой-либо лексический индикатор.

а) еще не снято ограничение на лексическое наполнение процессуальных конструкций *be + Ving*;

б) смена контекстуального окружения конструкций *be + Ving* проявляется сравнительно слабо (удельный вес контекстуально маркированных конструкций *be + Ving* незначительно превышает удельный вес контекстуально нейтральных конструкций).

Таким образом, как показывает материал романа «Смерть Артура», во второй половине XV в. ещё не развернулись те процессы, которые в ранненовоанглийском языке являлись критериями формирования идиоматической дуративной конструкции [1, 91]. Пестрота и разнообразие различных типов процессуальных конструкций, которые выявлены в романе «Смерть Артура», активно препятствуют выявлению признаков идиоматизации конструкции *be + Ving* в этом памятнике.

***Be + Ving* в английском языке первой половины XVI в.**

(«Правитель»)

Как показывает материал трактата «Правитель», ограниченность лексического наполнения процессуальных конструкций глаголами движения и состояния здесь уже места не имеет, так как эти глаголы составляют у Т. Элиота всего 33% (ср. 67% таковых в романе «Смерть Артура»); остальные же глаголы в данном памятнике принадлежат иным лексико-тематическим группам.

Среди примеров *be + Ving* в «Правителе» увеличивается удельный вес конструкций, сопровождаемых лексическими контекстуальными индикаторами (80%). Приведём пример: <...> *that is to lepe on him at euery side without stiroppe or ... other helpe, specially **whiles** the horse is goynge* («то есть прыгать на неё (лошадь — М.П.) с любой стороны без стремени или какого-либо другого вспомогательного средства, особенно, когда лошадь бежит») [Govern, 79].

Что же касается примеров *be + Ving* в этом памятнике, которые выступают без какого бы то ни было контекстуального указателя отношения процесса к ситуативному моменту, то их доля в «Правителе» относительно невелика (20%). Например: <...> *yet hadde she lykewyse dronken an other perle of lyke value, **whiche was hangynge** at her other*

eare, had nat Numatius Plancus, as an indifferent iudge, furthewith gyven iugement that Antony was all redy vainquissed («И, тем не менее, она таким же образом выпила бы и вторую жемчужину такой же ценности, которая висела у неё в другом ухе, если бы Нумаций Планк, в качестве беспристрастного судьи, тотчас не рассудил, что Антоний уже побежден») [Govern, 267].

Такое соотношение контекстуально-маркированных примеров *be + Ving* к контекстуально-нейтральным, которое мы наблюдаем по данным трактата Т. Элиота (80% vs. 20%), даёт нам право в целом говорить о смене контекстуального окружения *be + Ving* в первой половине XVI в. (начало систематизации контекстов употребления).

В «Правителе» грамматикализованная конструкция *be + Ving* на основании функциональных критериев всегда легко может быть отделена от омонимичной ей конструкции с предикативным причастием, так как во всех без исключения примерах *be + Ving*, где *Ving* — причастие, оно используется наряду с прилагательным (однородные члены предложения), которому функция предикативного атрибута присуща исконно. Наличие синтаксической однородности прилагательного и причастия способствует адъективации последнего. Ср. следующие примеры: а) <...> *they thinkynge it was excedynge mannes nature to be bothe in fortune and goodnes of suche perfection* («поскольку они думали, что обладать и счастьем и такой совершенной добротой — свыше человеческой природы») [Govern, 32], где *was excedynge* — идиоматическое сочетание; б) *Of the whiche wounde the anguisshe was so excedinge and vehement, that ...* («Мука от этой раны была настолько безмерна и сильна, что ...») [Govern, 168]; где *was excedinge* — синтаксическое сочетание.

Таким образом, материал трактата «Правитель» даёт основание говорить о полном размежевании глагольных форм *be + Ving* и синтаксических словосочетаний, отвечающих той же структурной схеме, тем более что случаев употребления *be + Ving* с дистантным взаиморасположением схемообразующих элементов в пределах данного памятника не наблюдается, как не наблюдается и *Ving* словосочетаний глагола бытия с предложным герундием, поэтому в рамках данного памятника нет факторов, которые

могли бы препятствовать обособлению идиоматических сочетаний и сдерживать их парадигматизацию.

Таковы особенности функционирования образований вида *be + Ving*, выявленные при анализе трактата Т. Элиота «Правитель» как памятника первой половины XVI в. Это позволяет утверждать, что на данном хронологическом этапе уже сложилась идиоматическая дуративная конструкция.

Проведенный анализ функционирования образований *have/be + Vn* и *be + Ving* в двух памятниках английского языка второй половины XV — первой половины XVI вв. приводит нас к следующим выводам относительно системной диахронической сопряженности категорий временной отнесенности и вида в английском языке, как она проявляется в эпоху конца среднеанглийского — начала новоанглийского периодов: неполная парадигматизация идиоматической перфектной конструкции в английском языке, проявляющаяся в отсутствии инварианта грамматического значения перфекта, системно соотносится с тем, что в языке вне глагольной парадигмы (на уровне лексико-синтаксических вариантов с общим значением процессуальности) функционируют видовые конструкции *be + Ving* и конструкции с глаголом бытия и предложным герундием.

Такая картина наблюдается в английском языке во второй половине XV в. и находит свое конкретное отражение в особенностях функционирования перфекта и разного рода процессуальных конструкций в романе Т. Мэлори «Смерть Артура».

Что касается инварианта грамматического значения перфекта (временная отнесённость), появляющегося в английском языке уже в первой половине XVI в., его формирование находится в системной связи с морфологизацией конструкций *be + Ving*: как показал анализ трактата Т. Элиота «Правитель», установление у перфекта инварианта грамматического значения сопровождается такими преобразованиями в функционировании конструкций *be + Ving*, которые позволяют говорить о создании в английском языке идиоматической дуративной конструкции.

Источники

M. Dart — Le Morte Darthur. The Works of Sir Thomas Malory /Ed. by E. Vinaver. Oxford, 1947.

Govern — Elyot Thomas. The Boke Named the Governour/Ed. by E. Rhys. London — New York, 1907.

Литература

1. Плоткин В.Я. Принцип бинарности в развёртывании английской видовременной системы. // Филологические науки, 1969, № 5.

2. Плоткин В.Я. О принципе бинарности в строении английской видовременной системы. // Филологические науки, 1965, № 2.

3. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М., 1989.

4. Смирницкая О.А. Эволюция видо-временной системы глагола в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. II. Категория глагола. М., 1977.

5. Ярцева В.Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.

6. Scheffer J. The Progressive in English // North Holland Publishing Company: Linguistics Series. Amsterdam — Oxford — New York, 1975.